

Путешествие менагера

7 апреля случились два события, повязанные косвенными, но явными узами. Примерно в 14.30 многочисленную семью Табаковых пополнила Мария Олеговна. Рост — 50 см, вес — 3160 г. В 19.00 того же дня родился (то есть в первый раз был официально сыгран на публике) спектакль «Похождение» по «Мертвым душам». Отец — модный молодой режиссер Миндаугас Карбаускис, семейное гнездо — Театр под руководством Олега Табакова, место рождения — Основная сцена МХТ. Продолжительность спектакля — 2 часа, вес (в масштабах текущего сезона) — значительный, но не великанский. Оба младенца чувствуют себя хорошо. Дай им бог расти побыстрее и меняться только в лучшую сторону. Про Машу Табакову пока может рассказать только виновник ее появления на свет. Что касается премьеры Карбаускиса, полный отчет перед вами.

Елена Ямпольская

Инсценировка выполнена самим режиссером. В композиции отчасти использованы «Мертвые души» Булгакова (1932 г.), но текст — исключительно гоголевский. Услышав из уст главного героя в адрес Ноздрева: «Что у тебя за побуждение такое жидовское?», я внутренне содрогнулась (не я одна, как стало известно из кулуарного обмена мнениями) и дома полезла за книжкой. Точно. Так и есть. Не вырубишь топором. Если бы не бэк-граунд в виде сериала «Есенин», мы бы, наверное, пропустили неполигкорректный выпад Чичикова — Безрукова мимо ушей.

Буква оригинала сохранена. Дух вытравлен до стерильности, причем сознательно. В «Похождении» нет ни лирики, ни мистики, ни вопросов нравственно-этических. Остались только дураки и дороги, если можно считать дорогой грязьшу непролазную.

Изменилась и очередность визитов, наносимых Чичиковым. Сначала идут Манилов, Собакевич и Плюшкин, которые, как ни крути, а продали коммерсанту искомый товар и честно держали язык за зубами, затем — Ноздрев, первая роковая ошибка Павла Ивановича, и Коробочка, на которой он подорвался.

Манилов — Алексей Усольцев. Кейфарик с трубкой, утопающий в волнах дурмана. Какого зелья он в трубку набил, можно только догадываться.

Собакевич — Борис Плотников. Выбор неожиданный. Спроси кого хочешь, все ответят, что худой Плотников должен играть Плюшкина, а... м-м... солидный Табаков — Собакевича. Такой расклад был бы логичным, хотя и банальным. У Карбаускиса получилось свежо, но странно. Как говорил противник всех реформ в пьесе Островского: «Возьму стол, поставлю его кверху ножками, вот вам и перемена». Однако Борис Плотников актер

превосходный и, несмотря на изящные габариты, сумел сыграть духовного тяжеловеса.

Плюшкин — Табаков, как и было сказано. Его приветствуют первым от начала спектакля всплеском аплодисментов. Сибаритские замашки и эпикурейское телосложение. Король Лир, оставшийся при своих владениях, только дочери разбежались... Гордо запахнут в мантию из драного одеяла.

Играет Табаков в неизменной манере последних лет, с той сочной характерностью, к которой мы давно привыкли, но которая при этом не надоела и всякий раз доставляет публике живейшее удовольствие.

«Восьмой десяток живу», — кокетничает Табаков — Плюшкин. «Соболезную, почтеннейший!» — подвывает Безруков — Чичиков. А чего ему соболезновать? Табакову, я имею в виду. Вон, дочку родил.

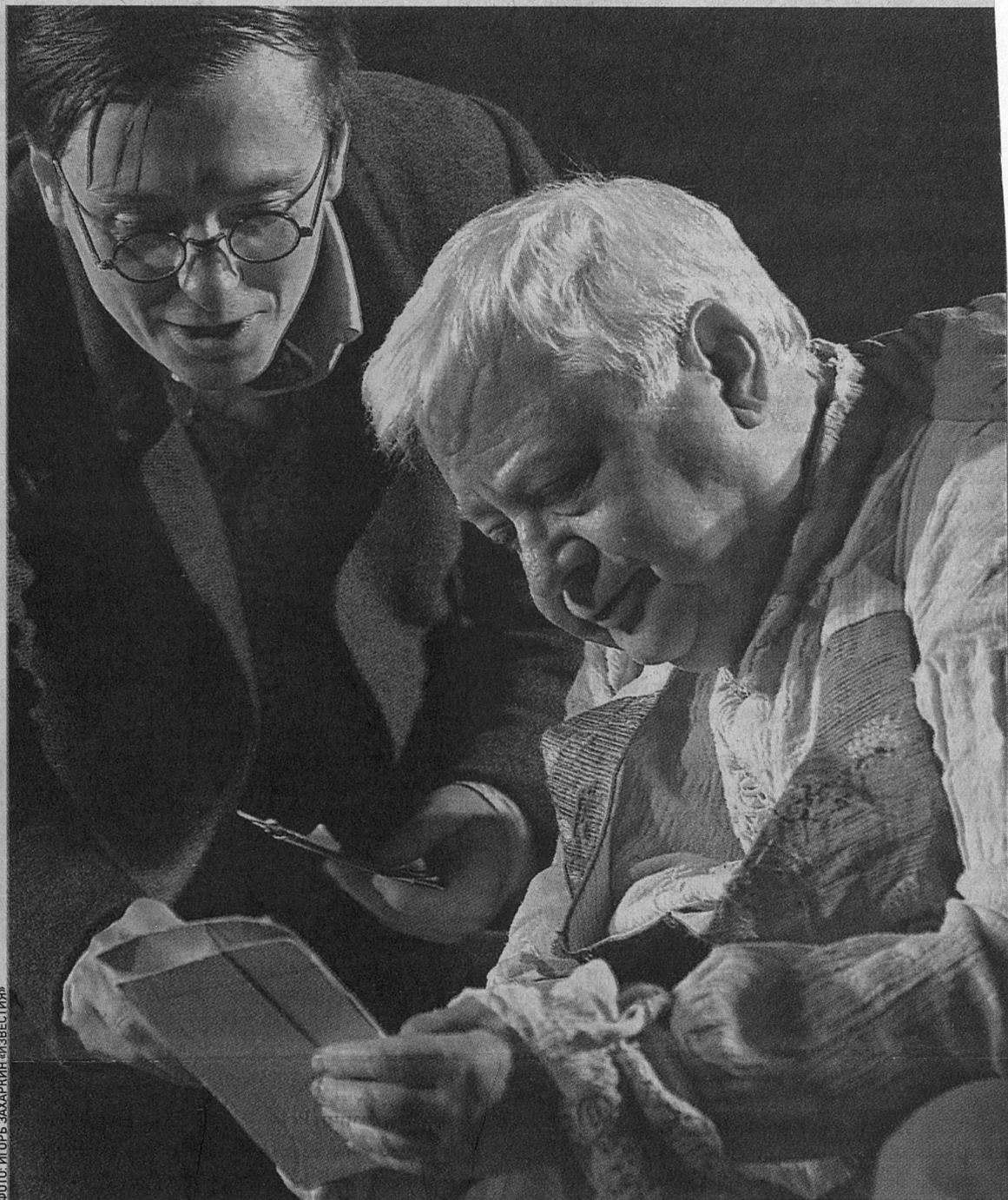
Ноздрев — Дмитрий Куличков. Их разборки с Чичиковым носят откровенно «бригадный» характер. Вот-вот начнут мочить друг друга в сортире. Раз уж на то пошло, контрольный в голову (в тупую ноздревскую голову) мог бы спасти Павла Ивановича от многих бед.

Коробочка — Ольга Блок-Мирикская. Колоритная хохлашка. Тип, возлюбленный страной благодаря Сердючке. Реплика: «А может, ты привык, отец мой, чтобы тебе кто-нибудь чесал на ночь пятки?» — вызвала искренний смех у сидевшей рядом со мной Ирины Безруковой.

Дама (приятная во всех отношениях) — Ольга Барнет. Эпизод, но мастерский. С тех пор как Барнет «перевели» на характерные роли, она стала едва ли не лучшей комической актрисой МХТ.

Птица-тройка — отсутствует в тексте, зато наличествует на сцене. Вторая волна аплодисментов, охи, ахи, временная, но полная потеря интереса к актерам и сюжету.

Трех лошадок (две гнедые, одна серая в яблоках) привозят

«Восьмой десяток живу». — **КОКЕТНИЧАЕТ ТАБАКОВ—Плюшкин.** «Соболезную, почтеннейший!» — **ПОДВЫВАЕТ БЕЗРУКОВ—Чичиков**

в МХТ из спортивного клуба «Хрустальная подкова». Вместе с ними приезжает ветеринар. В промежутках между эпизодами лошадей выводят во двор, так что чистота на сцене идеальная. За кулисами непарнокопытных актеров потчуют яблоками и баранками. В рамках действия птица-тройка, как ей и положено, помалкивает, ответов не дает, жадно хрумкает сеном, губошлепничает и приводит публику в умильный восторг.

Грязь — на авансцене настоящая, замешанная на природном (не исключено, что экологически чистом) черноземе с добавлением суглинка. Рецепт простой: развести H₂O и чавкать в валенках с калошами. Если «Похождение» будет играть на какой-нибудь другой площадке, эту грязь придется выбросить и замесить новую. А между прочим, компоненты, если приобретать их официальным путем, влетают в копейку. Грязь нынче дорога.

Чичиков делает свой капитал не из воздуха — из земли. Из праха, стремящегося к праху. У него воспаленная голова, холодное сердце и грязные руки.

Едва ли не самое интересное в «Похождении» — это сценография Сергея Бархина. Ну

и костюмы Светланы Калининной. Кривобокое кресло в доме Плюшкина — просто чудо дизайнера, а фраки провинциальных чиновников, скроенные из телогреек и подбитые веселеньким ситчиком, красноречивы, как целый пассаж текста.

Режиссура — идет после сценографии не ради оскорбления, а в принятом порядке старшинства. Спектакль поставлен вольно. Здесь много прикрасительных смыслов и красивых элементов, которые при желании легко могут быть изъяты и заменены тоже очень красивыми, но совершенно другими. Такова манера всей нашей молодой режиссуры. Эпоха спектаклей, отлитых как пуля — ни убавить, ни прибавить, миновала, похоже, навсегда.

Финал, когда крохотный мальчик бродит среди сонного царства взрослых (прямая цитата из знаменитого фильма — то ли это Павлуша Чичиков, то ли Илюша Обломов, а может, Андрюша Штольц), сегодня еще актуален. Завтрашний зритель вполне может увидеть нечто иное.

Наконец, **главный герой**. Похож на шустрого таракана, который мчит к цели, то и

дело уворачиваясь от тяжелого башмака. Безруков клоунничает, кривляется, кувыркается, выкидывает коленца и легкой ножкой ножку бьет. Порой его утрированная пластика отсылает к чиновникам из балета «Анюта», а остренькие черты напоминают Акакия Акакиевича, нарисованного гениальным Норштейном. Но на самом деле Павел Иванович Чичиков в исполнении Сергея Безрукова — это менеджер среднего звена. Менагер — в современной российской транскрипции. До отчества он, кстати, пока не дорос. Ему бы бейджик на грудь: «Чичиков Павел. Работа с клиентами». Именно такой кент третий месяц звонит вам из риэлторской компании, а по вине его близнеца-брата на днях вы едва не купили в автосалоне подержанный «Крайслер».

Из «Мертвых душ», если смотреть на них глазами Карбаускиса, получилась бы чудная настольная игра — типа «Монополии». Кинул кости — три очка, попал к Собакевичу. Пять очков — промахнулся, вляпался в Коробочку. Если удастся проскокить тупиковые ответвления, успокоиться на отметке БК — большой капитал. Это уж как фишка ляжет.